

Наука и власть

**ОТНОШЕНИЕ «НАУКА-ВЛАСТЬ»:
ОТ М.К. ПЕТРОВА К А.П. ОГУРЦОВУ**

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье реконструирован дискуссионно-эвристический потенциал основных постулатов политической философии М.К. Петрова. Показана их связь с концептами порабощенного разума и раболепствующего разума (сформулированными Ч. Милошем и Б.И. Пружининым), а также с анализом отношения между наукой и властью в творчестве А.П. Огурцова. В заключение автор выдвигает идею переоценки советских способов связи современной России с историей России до 1917 года, после 1917 года и после 1991 года, включая способы соединения науки с другими сферами общественной жизни.*

Ключевые слова: *М.К. Петров, А.П. Огурцов, свободомыслие в советской философии, отношение «наука-власть».*

В предыдущих публикациях я описал фрагменты политической философии М.К. Петрова [Макаренко 2011; Макаренко 2013] и показал, что она является развитием идей повести «Экзамен не состоялся» [Макаренко 2014]. В своих исследованиях Петров оперировал концептами социокода и «настоящего-будущего». Первый концепт разделял всю прошлую историю на лично-именной, профессионально-именной и абстрактно-понятийный типы. Вторым концептом разделял будущее на мертвую зону, зону социального творчества и зону конечных целей. Эти концепты являются воплощением идей, высказанных Петровым при обсуждении темы о роли критики и самокритики в жизни советского общества. Отсюда вытекает, что повесть «Экзамен не состоялся» является не только источником проблемного единства его творчества, но и средством анализа множества проблем современной России.

Дискуссионно-эвристический потенциал

Прежде всего потому, что Петров критически относился к империи как форме политического устройства. Ностальгия по ней до сих пор порождает целые книжные серии, в которых отражены как популярные aberrации массового сознания, так и иллюзии политического руководства России. У Петрова на этот счет никаких сомнений не было. Взамен пиетета перед империей он поставил проблему анализа имперского мировоззрения, которое отличается следующими свойствами: перевод проблематики в решенные вопросы; голосование истины вместо аргументации; непрерывный рост догматов; перевод гносеологии в онтологию;

умножение авторитетов и вырождение проблематики [Петров 1996: 294–311]. Указанные свойства первоначально описаны Петровым в повести «Экзамен не состоялся» на примере анализа советской философии и советского общества.

Еще более критически Петров относился к национальному государству. По его мнению, в современной цивилизации репродукция (т. е. производство) подчинена не повышению жизненного уровня людей, а потребностям национальных государств как некой «высшей» социальной единицы: «Заботы о целостности, безопасности, военном и экономическом превосходстве накладывают свою печать на системы выбора и результаты отбора, направляют процесс обновления к целям, которые могут быть глубоко чужды человеку» [Петров 1995: 40]. Научно-техническая гонка ставит мир на грань катастрофы, когда ради сохранения института национального государства ставится на карту существование человечества вообще. Поэтому Петров определял все виды вооружения (от автоматов до ракет и систем наблюдения) как опасный мусор.

Отношение к нации у Петрова тоже было отрицательным: «Возведенный в метафизический абсолют «начала» национальности и педантично определенный в своих «естественных» свойствах, превращенный в умозрительную абстракцию человек может оказаться таким же стабилизирующим и омертвляющим центром системы, как и постулаты высшего авторитета, творения, вечного и неизменного порядка» [Там же: 113]. Петров считал национальность «взбесившимся знаком» — одной из форм отчуждения.

Будущее — это стремление к свободе и ответственности за настоящее, решение задачи по освобождению человека, избавлению его от ига репродукции, вещного и человеческого отчуждения. Для выполнения этой задачи Петров разделял интересы человека и интересы национальных государств, с которыми связаны все опасности: «Именно распределение социальности в национальные единицы и вызванное этим обстоятельством соревнование вызывает основную массу неясных по конечному назначению и очевидно преступных приложений науки» [Там же: 158].

Преступные приложения науки определяются иерархией опасностей, перед которыми стоит современная цивилизация: критерии государственной пользы и актуальности; сам феномен государства; национальный характер государства; господство (собственность) государства на вещи, людей, мысли и продукты творчества людей. Петров предлагал снять национальную характеристику государственности как самый опасный источник катастроф, отвергая сами идеи всеобщей пользы и необходимости национальных правительств. Бог, христианская Троица как главный абсолют, поп в голове и авторитеты (т. е., система управления государством) бесполезны, поскольку они не способны справиться с указанными задачами.

С этой точки зрения использование науки для обоснования и усиления всех перечисленных имперских, национально-государственных и этнических феноменов следует признать нанесением вреда человечеству. Данная идея Петрова требует обсуждения и разработки, поскольку некритическое отношение к империям, нациям (этносам) и национальным государствам приобрело ранг неписанного закона.

Обращаю также внимание на совпадение этих идей с проблематикой творчества Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё, которые примерно в то же самое время сформулировали программу исследования государственных интересов как одной из наиболее распространенных и опасных иллюзий Нового времени, существующей до сих пор и транслирующей бюрократическое господство в его пастырской, военно-дипломатической и полицейской версиях [Фуко 2011; Бурдьё 2016]. Такая программа только начинает реализовываться в современном социогуманитарном знании.

Концепт научно-технической контрреволюции (НТК) Петрова объединяет отрицательное отношение к имперскому и национальному (этническому) способу политического

устройства и включает несколько постулатов: главными агентами НТК являются государства, поскольку они заставляют ученых обслуживать свои интересы; в результате возникла угроза ментального распада человечества; она проявляется в том, что в школах и вузах законодателями мод стали бездари, лентяи и тихиходы, которые воспитывают характер будущих взрослых; ментальная лень стала нормой жизни, а компьютеризация способствует ее укоренению; способность мыслить превратилась из радостной нормы человеческого существования в беспросветную муку; бездари стали влиятельной социальной группой, определяющей темп развития науки и стиль жизни в развитом обществе; это явление совпадает с влиянием алкоголизма и наркомании на социальную жизнь [Петров 1996: 20–62].

Данные постулаты могут служить отправной точкой для создания новой оптики анализа отношений между властью и наукой. Например, борьба с алкоголизмом в России насчитывает более сотни лет. Комитеты по борьбе с оборотом наркотиков тоже существуют не первый день. Но об эффекте указанных видов борьбы в мире и в России надо кому-то сочинить анекдот — я не умею. Тогда как об учреждении комитетов по борьбе с бездарью во всех сферах социальной жизни я пока не слышал. Даже самые «передовые страны» безмолвствуют. Не значит ли это, что у них своих ослов девать некуда? Годится ли деление на «передовые» и «отсталые» страны для учета числа бездарей в них? Где найти такую статистику? И не поместить ли в число самых бездарных тех, кто стремится правдами и неправдами попасть в состав государственного аппарата? По опыту общения со студентами на протяжении почти полусотни лет могу сказать, что в клерки желают попасть обычно самые бездарные студенты.

Отсюда вытекает, что идеи Петрова обладает значительным дискуссионным и эвристическим потенциалом. Выявить его можно путем сопоставления концепта НТК с исследованиями в различных сферах социогуманитарного знания. В частности, я уже поставил проблему политической бездарности в истории СССР и современной России на основе использования результатов капитального труда по сравнительной истории [Ливен 2007]. Английский профессор показал, что самыми бездарными политиками в России были Николай I и Сталин, поскольку они вовлекли страну в самые кровопролитные войны XX века. Монарх оказался достоин генералиссимуса и наоборот. С этой точки зрения революция реанимирует прошлый этап политического развития. Но только генералиссимусу пришло в голову просить Черчилля прислать 25–30 британских дивизий для защиты своей власти под прикрытием «защиты Родины» [Путь к Великой Победе... 2015: 75, 109, 117, 118]. Может быть, этим фактом объясняется стремление некоторых политических сил в России вернуться к испытанной политической модели царизма? Или прав Президент Путин, наградивший Ливена за обнаружение бездарности русского царя и советского вождя орденом Дружбы?

Дискуссионно-эвристический потенциал идей Петрова подтверждается также фундаментальным трудом по социальной истории науки, в котором описаны национальные модели связи науки с религией и государством [Наука и кризисы 2003]. На этой основе можно сравнивать достоинства и недостатки английской (колониально-имперской), французской (революционно-бюрократической) и российской (самодержавно-бюрократической) моделей связи науки с религией и государством, поскольку в каждой стране наука обслуживала интересы государства. При этом надо учесть, что в России на протяжении столетий население сопротивлялось государственным проектам упорядочивания территории и расселения людей [Глазычев 2011], а государство было и остается ненавистным [Олейник 2001]. Тогда как наука использовалась Российской империей для внутренней колонизации и территориального «укрепления» человеческих ресурсов [Эткинд 2013]. Эти тренды усилились в XX веке, как по общей причине созревания государства высокого модернизма [Скотт 2005], так и по особым интересам НКВД во всем иллюстрировать свою «государственную мудрость» [История сталинизма 2011]. Поэтому по мере подчинения государству в науке (за исключением незначи-

тельной доли фундаментальных исследований) господствует раболепствующий разум [Пружинин 2009]. Возникает капитальная проблема сопоставления его с феноменом порабощенного разума, распространившегося в сопредельные страны по мере их захвата Советским Союзом.

От порабощенного разума к дешевым подделкам

Чеслав Милош описал противоречия мышления и поведения, которые вначале сложились в Советском Союзе, а затем были перенесены в соседние страны как продукт давления советской империи и марксистского метода [Милош 2003: 97–120]. Главной характеристикой поведения людей стало массовое актерство, которое восходит к цивилизации ислама. В ней возник кетман — особая игра ради защиты собственных мыслей и чувств.

По мнению мусульман, обладатель истины не должен подвергать свою личность, имущество и достоинство опасности со стороны ослепленных, безумных и злобных, которых Богу было угодно оставить в заблуждении. Нужно молчать о своих подлинных убеждениях. Но бывают случаи, когда молчание выглядит признанием. Тогда нужно не только публично отречься от своих взглядов, но использовать любые хитрости, лишь бы обмануть противника. «Кетман наполняет гордостью того, кто его практикует. Верующий благодаря этому постоянно ощущает превосходство над всеми, кого он обманул, включая министров и государей» [Милош 2003: 100].

В странах-сателлитах СССР кетман практиковался в более суровых формах. К ним относятся кетманы нации, революционной чистоты, эстетики, профессионализма, скептицизма, метафизики и этики¹. В результате феномен кетмана пронизал всю сферу культуры и науки

¹ *Национальный* кетман был распространен среди широких масс и партийной верхушки. Но показательные процессы сторонников «национального пути к социализму» на рубеже 1940-1950-х гг. научили, что самый надежный способ спастись от обвинений — громко восхищаться достижениями России во всех областях, носить под мышкой русские журналы и книги, напевать русские песни, горячо аплодировать русским музыкантам и актерам. На деле тот, кто практиковал национальный кетман, презирал Россию как варварскую страну. Суть этого кетмана выражает фраза: «Социализм — да, Россия — нет». Кетман *революционной чистоты* — это вера в «святой огонь» эпохи Ленина. Но Сталин его погасил, провел жестокую коллективизацию, в лагерях принудительного труда погибли миллионы граждан Союза, в отношении нерусских народностей проводилась беспощадная политика. Тот, кто практиковал кетман революционной чистоты, ненавидел Сталина. Считал его ответственным за страшную судьбу русского народа и за ненависть, которую русский народ вызвал к себе у других народов. Но не был в состоянии освободиться от веры в исторический детерминизм и необходимость тирании. Советская Россия устояла против Гитлера. Из этого факта извлекался вывод: дело революции устояло. Поэтому действия Сталина квалифицировались как «мудрые и эффективные», оправданными исторической ситуацией. *Эстетический* кетман — это разрешение на частную жизнь взамен за пропагандистский эффект творчества. Люди искусства и науки культивировали разные варианты бегства от действительности. Кетман *профессионализма* состоял в том, что ученые принимали участие в съездах, на которых произносились доклады в согласии с линией партии. А в лаборатории продвигали свои исследования, оперируя научными методами. Мотив был такой: достигнутые во имя истины результаты останутся, а политики исчезнут. Писатели в предисловиях для страховки от нападков ссылались на Маркса. Такие предисловия выполняли ту же задачу, что посвящения прежним королям и императорам. Кетман профессионализма был выгоден для власти. Он обосновывал порыв к образованию — получению знаний или умений в специальной области, в которой можно разрядить энергию и избежать жребия функционера, зависящего от политической конъюнктуры. Он обеспечивал социальное продвижение и культивировал иллюзию: профессиональная работа свободна от лжи. *Скептический* кетман позволял квалифицировать как безумие все, что творилось в СССР и зависимых от него странах. Но не мешал получать удовольствие от возможности наблюдать. Этот кетман способствовал цинизму в приспособлении к меняющейся тактике. *Метафизический* кетман состоял в приспособлении религиозной веры к эпохе классовой борьбы. К этому кетману обращались не только люди всех вероисповеданий, но и атеисты. *Этический* кетман состоял в воспитании «нового человека» в соответствии с принципом: хорошо все, что служит интересам революции, плохо все, что этим интересам вредит. Чем выше был поставлен кто-то в партийной иерархии, тем вниматель-

СССР и его стран-сателлитов. На этой основе Милош предложил зооантропологическую классификацию советских граждан и жителей стран Восточной Европы, попавших в орбиту господства Советского Союза. По его мнению, все дворовые псы делятся на два типа: шумных и brutальных; скрытных и кусающих исподтишка. Второй тип преобладал в СССР и других странах Новой Веры: «Выживание наиболее приспособленных к умственной акробатике создает человеческий тип, мало до сих пор известный в современной Европе» [Там же: 117]. Зооантропологический подход к описанию истории культуры, включая советский период, разрабатывается также российскими учеными. Вся советская эпоха сводится к зооантропологическим типам волка, собаки и свиньи [Михайлин 2005].

Возникает вопрос: какие типы кетмана сохранились в современной России, как они коррелируют с зооантропологическими типами и по каким причинам?

Теперь напомню, что анализ отношения «господин — раб» — классическая тема античной и современной философии. Поэтому я думаю, что описание современных форм синтеза раболепствующего и поработанного разума — с учетом зооантропологического тренда в истории и культуре Советского Союза и его сателлитов — можно определить как общую цель данного направления междисциплинарных исследований, которое связывает классику с современностью.

Российскую и советскую историю принято писать по именам царей, императоров, генсеков и президентов. Если же судить по статистике возрастного состава населения России, то примерно три четверти её нынешних жителей родились в СССР, а четверть уже тогда, когда Советский Союз приказал долго жить. Поэтому отношение к советскому прошлому продолжает разделять группы населения на уровне индивидуальной, групповой, социальной, политической, идеологической, культурной и поколенческой идентификации. В любом случае писать социальную историю постсоветской «сверхдержавки» (по выражению В.Л. Иноземцева) невозможно без учёта этого факта. Отсюда вытекает идея множества историй, а не «фальсификации истории», как считает нынешняя идеологическая служба власти. Одновременно отношение к советскому прошлому ограничивает горизонт пространственно-временного воображения абсолютного большинства людей до того клочка земли и момента исторического времени, в котором они случайно возникли и бесследно исчезнут. Не мешает напомнить, что в начале XX века на земле существовало около 60 государств, а в конце их было уже около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ» (так определял государство Ф. Ницше) увеличилось в четыре раза. Каждое из них предлагает свою собственную оптику восприятия мира, считая её «лучшей из возможных». За эти же сто лет произошло две мировых и множество локальных войн, сотни революций. Является ли нормой такой рост политических машин? Если да, то следует признать, что за сто лет горизонт нашего политического воображения сузился в четыре раза. Если нет, то тогда сегодня каждое государство может претендовать только на 1/240 нашего внимания. Особенно та «сверхдержавка», к которой мы принадлежим по случайности рождения, о согласии на которое нас никто ведь не спрашивал. Не говоря уже о приглашении участвовать в нашем хуторском варианте всемирно-исторической «войны мышей с лягушками»...

Таково лишь одно из следствий посылки о взаимосвязи поработанного и раболепствующего разума. При извлечении других следствий я буду опираться на результаты исследова-

нее наблюдали за его личной жизнью. Это способствовало культивированию аскетизма на вершине иерархии и снисходительному отношению к слабостям человеческой природы на остальных уровнях. Нормальный человек обязывался доносить властям о мыслях и поступках товарищей. Доносительство было возведено в ранг основной добродетели хорошего гражданина. Эти слабости в совокупности со склонностью улучшать собственную судьбу за счет ближних превратили этику сотрудничества и братства в этику борьбы всех против всех. Наибольшие шансы выжить в этой борьбе получили самые хитрые.

ний А.П. Огурцова, роль которого в отечественной философии только начинает осмысляться [Неретина 2016]. В его творчестве существует мощный пласт междисциплинарных проблем анализа научного сообщества (или академического мира) во взаимосвязи с анализом власти. Проблема сходства и различия социологического понятия «научное сообщество» с метафизическим концептом «академический мир» требует особой статьи. Речь идет о проведении строгого различия между академическим миром и любыми коннотациями православного и русского мира, которые, по меткому определению В.В. Бибихина, являются «дешевыми благонамеренными поделками» (русский космизм, эстетика лада, русский мир, а также русская религиозная философия с идеями всеединства, софийности, православного энергетизма, «синергизма» и других продуктов панического сознания) [Бибихин 2012: 29]. Труды Огурцова позволяют провести такое различие. Я имею в виду фундаментальный трехтомник по философии и методологии науки [Огурцов 2011], а также сборник о проблемах подвластной науки в СССР [Неретина, Огурцов 2010]. Попытаюсь вычленить из них несколько фрагментов междисциплинарной матрицы проблем отношения «наука-власть».

Главные послышки

У К. Маркса термин «частичный» означает отчуждение рабочего от процессов и продуктов своего труда, а также от всего социального мира. А.П. Огурцов полагает, что в СССР сферы приватной жизни и научных исследований сохраняли *частичную автономность*. Сам факт использования данного термина свидетельствует, что Огурцов предлагает анализировать сферу интеллектуального труда в СССР как частный случай универсального отчуждения, охватывающего вещественную, предметную, социальную, политическую и символическую сферу, которая не была полностью самостоятельной в социальной и политической системе. Я согласен с С.С. Неретиной в том, что новая ситуация, в которой оказалась Россия (особенно после спровоцированной ею войны с Украиной) востребует старое понятие отчуждения для атомизированного российского общества. В этом смысле Огурцов поставил диагноз почти полвека назад [Неретина 2016: 66–69].

Я думаю, что такой подход сохраняет эвристическую силу, особенно в условиях мировоззренческой дезориентации, типичной для элитарного и массового сознания современной России. Его внеконтекстуальный властно-политический потенциал можно доказать на основе анализа всего корпуса творчества Александра Павловича. Для иллюстрации главного мотива такого потенциала достаточно привести пример из романа А.И. Солженицына, который показал, что контроль за мыслью был изобретен в МГБ².

Видимо, в целях воспроизводства чекистской мудрости в России складывается новая разновидность гарнизонно-полицейского общества, в которой контроль за научной деятельностью расширяется во всех возможных направлениях, несмотря на вялое сопротивление ученых. Возникла целая сфера глорификации военно-полицейских структур, претендующей

² Оперчекист майор Шикин изобрел индивидуальные именные секретные журналы. «Подходящие журналы были немедленно приобретены на писчебумажных складах МГБ: они содержали по двести больших страниц каждый, были пронумерованы, прошнурованы и просургучены. Журналы предполагалось теперь раздать всем, кроме слесарей, токарей и дворника. Вменялось в обязанность не писать ни на чём, кроме как на страницах своего журнала. Помимо упразднения гибельных черновиков здесь было ещё второе важное начинание: осуществлялся контроль за мыслью! Так как каждый день в журнале должна проставляться дата, то теперь майор Шикин мог проверить любого заключённого: много ли он думал в среду и сколько нового придумал в пятницу. Двести пятьдесят таких журналов будут ещё двумястами пятьюдесятью Шикиными, неотступно висящими над головой каждого арестанта. Арестанты всегда хитры и ленивы, они всегда стараются не работать, если это возможно. Рабочего проверяют по его продукции. А вот проверить инженера, проверить учёного — в этом и состояло изобретение майора Шикина!» [Солженицын 2015: 602].

на политическое значение. Поэтому ценность рефлексии А.П. Огурцова будет повышаться по мере усиления данной тенденции. Он определял военно-промышленный комплекс как целостность военной технологии и милитаристской идеологии. Россия занимает одно из ведущих мест на мировом рынке торговли оружием, совершенно абстрагируясь от возникающих в связи с этим нравственных и политических проблем. Такова почва для расширения милитаристской идеологии. Поэтому есть основания использовать для оценки концепции Огурцова современные теории мира и войны [Арон 2000; Кревельд ван 2008].

В частности, ван Кревельд показал, что попытки государства сделать применение насилия исключительно своей привилегией в конце XX века порождают все больше проблем. Перед угрозой терроризма крупнейшие и сильнейшие империи бросились друг к другу за поддержкой. Если продолжатся нынешние тенденции, то война, основанная на разделении правительства, армии и народа исчезнет. Если в течение ближайшего времени не будет обуздано разрастание конфликтов низкой интенсивности, то современное государство как институт будет уничтожено. И никакой трагедии отсюда не вытекает, поскольку государство — это чисто западное понятие, первоначально распространенное на территории между Гибралтаром и Вислой, что составляло лишь 3 % поверхности земли. На большей части земного шара государства начали появляться лишь в XX веке [Кревельд ван 2008: 287–288].

После 1945 г. развивается универсальный процесс ослабления армий, правительств и государств. Это подтверждается рядом фактов и тенденций: с течением времени любой вид вражды себя изживает; способность государства противостоять другим государствам становится все более сомнительной и потому нет смысла подчиняться организации, которая не может и не будет сражаться; ядерное оружие исключило возможность крупных держав воевать между собой в полную силу; национальные границы, различия между вооруженными силами и гражданским населением и уровнями бюрократических иерархий государств теряют значение: «Если государство не может успешно защитить себя от внутренних или внешних конфликтов низкой интенсивности, то у него нет будущего. Если государство отнесется к такому конфликту со всей серьезностью, то тогда ему придется одержать быструю и решительную победу. В противном случае сам процесс ведения вооруженной борьбы подорвет основы государства; и действительно, страх того, что этот механизм будет запущен, является одной из главных причин, объясняющих нежелание многих западноевропейских стран вплотную схватиться с терроризмом» [Там же: 296].

Оставляя в стороне еще ряд тенденций в военно-политической сфере, я хотел бы подчеркнуть междисциплинарный потенциал анализа Огурцова. Его науковедческие и историко-научные констатации о ВПК дают возможность перебросить мост к другим сферам знания. В данном случае надо все отмеченные ван Кревельдом особенности трансформации войны выявить в поведении и мышлении политического и военного руководства Советского Союза и современной России. С учетом ключевой характеристики: «Существовавшая в Советском Союзе до Горбачева традиция секретности и обмана (*маскировки*) всегда имела следствием то, что официальная доктрина была неправдоподобной именно потому, что провозглашалась официально» [Там же: 36]. Проблема сводится к разработке аппарата для детального анализа всех форм разрыва между официальными доктринами и реальным положением вещей.

Огурцов показывает, что мышление и действие правительства России отличается двоемыслием: декларации о модернизации страны сопровождаются культивированием православия и консерватизма — архаических компонентов массового сознания. Но Огурцов был светским человеком. Можно ли доказать его правоту суждениями православного мыслителя?

А. Шмеман на этот счет радикальнее Огурцова. Шмеман считал православие шизофреничной религией по причине его неисторичности, погруженности в быт, неприятия новизны и консерватизма: «Исторически центральной и определяющей в Православии всегда была ка-

тегория не православия по существу, то есть Истины, а именно «православного мира», неизменного потому, что он православный, православного потому, что он неизменный. Поскольку же мир этот неизбежно и даже радикально менялся, то первым симптомом кризиса нужно признать глубокую *шизофрению*, постепенно вошедшую в православную психику: жизнь в нереальном, несуществующем мире, утвердившемся как реальный и существующий» [Шмеман 2008: 64]. Данное качество православия органично переплетается с главными идеями консерватизма: противоположность прав и обязанностей, иерархия ценностей и противоположность между обязанностями и ценностями [Макаренко 1998: 75–80]. Значит, возникает проблема систематизации видов шизофрении по мере превращения православия в государственную религию современной России и стремления соединить его с государственной политикой.

Огурцов предлагал использовать сетевую модель организации для критики властной риторики и формирования инновационной инфраструктуры в постсоветской России. Проблема смещается к реконструкции конкретных аспектов концепции сетевого общества. Эта реконструкция может базироваться на следующих формулировках Огурцова: конфликт между дискурсом власти и науки — общая характеристика советского периода; модернизация в СССР была репрессивно-насильственной, потребовавшей громадных жертв населения; концепт человекоразмерности М.К. Петрова надо использовать для анализа политики; опыт борьбы ученых за автономию своей личности и автономии науки представляет интерес для постсоветской России как импульс свободе личности и свободе научных исканий. Огурцов предложил также классификацию периодов взаимоотношения между наукой и советской властью³.

Данную классификацию я предлагаю сопоставить с современной историографией советской власти и советского общества [Пихоя 2000; История России: 1894–1939... 2009; История России: 1939–2007]. В результате возникает громадный комплекс объектов воспроизводства советских стереотипов социального устройства. К ним относятся: мобилизационный дискурс власти, идеологизация науки, бюрократическая система управления государством и наукой, номенклатурный тоталитаризм, авторитаризм и демократия. Все это — множество фактов и связанных с ними тенденций. Как они проявляются в современной России и какие виды кетмана стимулируют?

Для ответа можно использовать еще один важный когнитивный постулат, сформулированный А.П. Огурцовым: появление культурно-исторического образа науки в России связано с феноменологической традицией и разработкой концептов как интересубъективных схем смысла; позиция «соприкосновения разных сознаний» образует точку отсчета при анализе дискурса власти и дискурса науки. Главный «урок истории» взаимоотношений между совет-

³ В первом периоде (1918–1921 гг.) сложился мобилизационный дискурс власти и началась идеологизация науки. В период НЭПа (1921–1930 гг.) были ограничены притязания на идеологизацию науки, но одновременно происходило становление бюрократической системы управления государством. В третьем периоде (1930–1940 гг.) сложился номенклатурный тоталитаризм. Четвертый период (1941–1945 гг.) совпадает с годами Отечественной войны, когда руководство страны и Академии наук ориентировали ученых на выполнение оборонных заказов. Одновременно в рамках Советского атомного проекта был преодолен разрыв между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками, создана новая форма организации научных исследований, позволившая решать научно-технические задачи в короткие сроки. Пятый период (1945–1954 гг.) характеризуется окончательным складыванием номенклатурного тоталитаризма с единой централизованной бюрократической системой управления наук и политико-идеологического контроля за эффективностью научной работы. В период «оттепели» (1954–1964 гг.) усиливается борьба Академии наук СССР за автономию и ориентацию на фундаментальные исследования в противовес партийно-государственным инстанциям, которые стремились сохранить репрессивный организационный и идеологический режим в науке. Седьмой период (1964–1984 гг.) номенклатурного авторитаризма был периодом идеологии стабилизации и амбициозных научно-технологических проектов. Восьмой (1984–1991 гг.) — это период кризиса номенклатурного авторитаризма и формирования номенклатурной демократии.

ской властью и наукой таков: дискурсивная практика науки оказалась более перспективной и объективно значимой, чем дискурс власти со всеми ее стратегиями.

Таким образом, проблема взаимоотношения науки и власти является междисциплинарной, поскольку охватывает громадный круг социологических, исторических, политологических, историко-научных и прочих аспектов. Для осмысления корреляции между феноменом «советской науки» и формами организации советской власти Огурцов сформулировал определенную когнитивно-политически-нравственную позицию: наука успешно развивается там, где существуют демократические отношения в обществе и в научном сообществе, а ценности и нормы демократической жизни становятся ценностями и нормами научного дискурса. Возникает капитальная проблема описания отношения между различными формами политического устройства и способами государственной организации науки в конкретной стране.

Огурцов предложил следующую структуру изучения междисциплинарных проблем отношения науки и власти: наука в системе власти; репрессированная наука; идеологические кампании в науке; борьба за автономию науки. Каждая из них включает множество подпроблем, которые в совокупности дают возможность описать всю организационную и дисциплинарную структуру подвластной науки в СССР и современной России. В этом смысле Огурцов создал каркас для еще ненаписанной политической истории науки в России. Не исключено, что писать ее придется *post factum* — когда наука в России исчезнет.

Данные проблемы подчинены общей теме анализа научного дискурса в системе власть и коммуникация [Подвластная наука 2010: 737–814]. При этом Огурцов вступает в полемику с длительной философской традицией, в которой наука рассматривается как система знаний и исключается из социокультурного контекста. Остается прореферировать основные результаты этой полемики, оставленные нам в наследство Александром Павловичем.

Темы дискуссии

Огурцов отвергает анализ науки и власти как двух сущностей, отношение между которыми ограничивается использованием властью достижений науки. Эта позиция предполагает гносеологический подход к анализу научного знания, которое объявляется ценностно-нейтральным, объективно истинным и чуждым отношениям власти. Такой подход отождествляет власть со структурами и институтами государства. И потому проблема отношения науки и власти трактуется как отношение науки и государства. Отождествление науки с государством и сведение научного знания к теоретическому знанию основываются на определенной модели использования институтом науки государственных институтов или институтами государства результатов научного знания. Для того и другого случая характерна модель использования одной инстанции другой, превращения другой инстанции в средство своего существования и развития.

Александр Павлович исходит из иной посылки: феномен власти выходит за рамки власти государства. В науке говорят о власти авторитета, властных отношениях внутри научного сообщества, властных функциях руководителя научно-исследовательской группы и т. д. Все такие феномены выходят за пределы власти институтов государства и трудно улавливаемы в социологии науки, отождествляющей власть с государственной властью. Изучение феномена власти и его сопряженности с наукой — тема не социологии науки, а социальной философии. Для доказательства Огурцов подвергает анализу основные концепции науки и власти. Рассмотрим его аргументы.

Наука как власть: необходимость нового подхода. М.Вебер первым осознал фундаментальность феномена власти и вторичность государственно-правовых институтов. Огурцов фиксирует достоинство и изъян концепции Вебера: отождествление власти с господством,

поскольку это отождествление не обосновано и не оправдано Вебером⁴. В науке существуют следующие очаги власти: отношения «учитель-ученик», «научный руководитель-аспирант», «заведующий группой-научные сотрудники». Наука возникла в XVII в. на базе отношения «учитель-ученик». Поэтому способы организации университетского образования, формы систематизации знания и схемы господства и подчинения в университетской науке сопряжены друг с другом. Неверно полагать, что политики находятся у кормила власти, а ученые удерживаются вне власти. Такая позиция возможна лишь в том случае, если власть отождествляется с государственной властью и не ухватывается всепронизывающий феномен власти и механизмы ее распределения на каждом этапе конфигурации действующих социальных сил.

Для раскрытия сопряженности науки и власти Огурцов анализирует концепции М. Фуко, Р. Барта, Б. Леви, Ж. Деррида, С. Ароновица и заключает: «В зарубежной философии и социологии науки все более осознается включенность научного исследования в социально-политический контекст с присущими ему отношениями власти. Традиционный разрыв науки и институтов власти преодолен. Складываются новые понятийные и методологические средства для исследования статуса и способа существования науки в структурах власти» [Там же: 754]. В этом пункте Огурцов перебрал мостик для соединения его рефлексии с теорией *политического контекста*, которая разрабатывается в политической науке [Камкия 2015].

Проблема генезиса науки как дискурса власти рассматривается Огурцовым в контексте главных концепций от античности до середины XIX в. Более двух тысяч лет наука рассматривалась как религиозное призвание, способ удовлетворения любознательности, путь вхождения в интеллектуальную элиту. Превращение науки в профессиональное занятие — процесс длительный, который завершился во второй половине XIX в⁵.

Сравнительный анализ истории организации науки в Англии и Франции показывает, что во Франции академия превратилась в государственный институт, функция которого заключалась в арбитраже, экспертизе и контроле научной и технической деятельности. Степень автономности науки была намного меньше, чем в Англии. Наука достигла автономии благодаря тому, что с самого начала она отказалась от вмешательства в религию, мораль, политику, философию. Эта черта институционализованной науки называется культурным и политическим *конформизмом*.

⁴ «В наши дни все более осознается то, что отношение между наукой и властвующими инстанциями нельзя трактовать как отношение кардинально отличных друг от друга сущностей, что инстанции власти не внеположны науке, но имманентны ей. Тем самым полностью отвергается то ставшее весьма распространенным мнение, что существует некая область научного знания, которая подчиняется механизмам запрета со стороны экономических, юрико-правовых, управленчески-организационных и идеологических институтов власти. Знание конституируется в науку лишь на фоне властных отношений, которые вовлекли в реторту власти и самую науку. Власть смогла сделать знание своим объектом лишь потому, что в самом знании существовали властные отношения и утвердилась идеология власти со своими идеалами и целями, ориентирующимися на господство и подчинение. Наука и власть оказались сопряженными друг с другом: властные отношения пронизывают научное сообщество и научное знание» [Там же: 747–748].

⁵ Историки науки выделяют следующие нормы организации научного сообщества: 1. Интеллектуальная квалификация — приверженность определенному организационно закрепленному корпусу знания. 2. Социальная ответственность — принятие ученым обязательств по выполнению определенных норм. 3. Зароботная плата — ожидание денежного вознаграждения, которое не опускалось бы ниже определенного минимума и соответствовало бы вознаграждению других интеллектуальных профессий. 4. Внутренняя связь сообщества — чувство корпоративного единства, обнаруживающееся в комплексе социальных и культурных взаимосвязей. 5. Авторитет — признание другими профессиональными группами и правительством. 6. Единство метода, которое определяет единство науки, позволяет провести демаркацию между наукой и ненаукой, с одной стороны, и между различными научными дисциплинами — с другой.

Таким образом, по мере становления социального института науки она включилась в систему властных отношений конкретного общества. Она получала привилегии от инстанции власти, социальную поддержку в разнообразных формах. Властные отношения пронизывают и самое научное сообщество.

Здесь я бы добавил, что изучение индивидуальных особенностей включения конкретных ученых в систему властных отношений общества, а также анализ отношения между мерами конформизма и нонконформизма каждого конкретного ученого связаны с разработкой теории и практики когнитивного и культурного *коллорационизма и сопротивления*. Его связь с политическим коллорационизмом и сопротивлением имеет важность в каждом конкретном случае в целях исключения любых видов мировоззренческого фатализма и социального детерминизма, что для России особенно важно.

Наука в демократическом обществе. Огурцов отмечает, что превращение науки в социальный институт означало подчинение научного сообщества правовым законам. Ведущий принцип власти — правовой закон, следствием которого является повиновение членов общества. Ведущая цель научных исследований — выявление закона природы. Поэтому дискурсы власти и науки тождественны. Закон можно рассматривать как матрицу, которая определяла структуру властных отношений в европейских обществах с конца XVII в. до настоящего времени, форму отношений между учеными в научных обществах и цель научного исследования.

В 1968 г. Ф. Хайек провел аналогию между конкуренцией как механизмом рыночной экономики и научным исследованием с точки зрения единства и различия⁶. На деле сложилась бюрократическая система организации науки с армией администраторов. В США на десять ученых приходится 6 административно-вспомогательных работников; в СССР — 50, а в АН СССР — 37. Советская система управления наукой — пример разросшейся бюрократической системы. Но демократия тоже предполагает формирование и функциональное разделение в науке властных структур и постоянную диверсификацию связей научных исследований со структурами власти.

Правовая система демократии нуждается в науке, научном обосновании своих норм, научной критике социальных предрассудков и мифов, использовании научных данных и методов при решении правовых проблем. Взаимобусловленность права и науки составляет центральный принцип *сциентистского либерализма*, которому в экономике соответствует рынок, а в социально-политической жизни — демократия, регулируемая правовыми нормами.

Огурцов показывает, что в период создания атомной бомбы в США, Англии и СССР возникают новые отношения между наукой и системой государственной власти. Произошло усиление государственного влияния на научное сообщество с помощью финансовых и юридических средств через различные каналы и процедуры принятия решений, осуществлялся контроль за исследовательской деятельностью. Этот контроль обеспечивается с помощью установления приоритетов в научной сфере через механизм *распределения* ресурсов, финансов, инструментария. Ученые выступают уже не просто в качестве экспертов, но и в качестве консультантов правительств. Возникает еще одно направление анализа взаимосвязи между наукой и властью.

Огурцов анализирует две программы в объяснении взаимоотношений науки и государства: одна настаивает на *независимости* науки от государства (Г. Радницкий, Х. Ватрин,

⁶ Их объединяет: непредсказуемость результатов; расхождение между ожидаемым и достигнутым; поиск неиспользованных возможностей; дух инициативы и предприимчивости; риск. Они различны: наука ориентирована на открытие всеобщих законов, представляющих собой регулярности событий и процессов; конкуренция есть метод открытия конкретных фактов, имеющих значение лишь для временных целей.

В. Беккер); другая подчеркивает факт *политизации* научных исследований. А. Огурцов считает другую программу более адекватной. В ее рамках сложились две концепции: *критическая философия науки* (Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно) подчеркивает ангажированность науки в социально-политические, властные отношения. При этом наука и техника рассматриваются как культура инструментального разума (идеология), которая служит любым целям, вынесенным за сферу ее собственной ответственности. Основная идея второй концепции политизации науки (Штарнбергская группа, в которую входили Г. Беме, В. Деле, В. Крон, В. Шефер из института им.М. Планка по исследованию научного мира) такова: наука все более служит внешним (социальным, экономическим, политическим) целям, которые интериоризируются наукой и превращаются в руководящий мотив исследования, оказываются целевой причиной развития научных исследований. Этот процесс называется *финализацией науки* — т. е. подчинения научных исследований некоторым конечным целям. В развитии науки уменьшается вес внутринаучных факторов (методологические регулятивы, рост теоретического знания) и увеличивается значение приоритетов, в решении которых заинтересовано общество. Финализация науки — это согласие науки с политическими целями, в результате чего наука «действует партийно-ангажированным образом, утверждая господствующие в данное время политические силы и их интересы» [Там же: 788].

В последние десятилетия возникла и развивается программа *антисциентистского либерализма* (П. Фейерабенд, Г. Спиннер), которая отвергает примат науки в культуре, считает ее угрозой, а не опорой демократии. «Такого рода программа, — пишет Огурцов, — чревата не только разрушением науки и выдвиганием контрнаучных ценностей на первый план, но и утверждением *ретроидеологий*, ориентирующихся на мистические религиозные культы и синтезирующих их с квазинаукой. Отказ от выдвигания универсальных норм опасен для европейской цивилизации, основанной на науке. Да и сама наука, понятая как совокупность убеждений, оказывается скорее идеологией, чем рациональным знанием. Защитникам этой программы хотелось бы напомнить трагический опыт идеологизации науки в тоталитарных обществах, ту практику подавления свободы научных исканий, которая была присуща всем тоталитарным обществам XX века» [Там же: 791].

В заключение Огурцов рассматривает проект *альтернативной науки*. В науке есть громадный пласт отношений между учеными как равноправными партнерами исследования, диалога, обсуждения, соавторства, который не поддается замутнению со стороны инстанций власти. Одной из решающих характеристик науки является ее коммуникативная природа. Наука «соткана» из множества живых диалогических нитей — как со своими современниками и предшественниками. «Проникновение в научные коммуникации инстанций власти означает, что Некто позволяет решать и покорять одной своей волей, фактом наделения его властью. Для любого представителя административной бюрократии, осуществляющей власть в науке, даже консультации с теми, кто уполномочен и призван судить об обсуждаемых вопросах, оказывается разделом власти, что он с трудом может терпеть» [Там же: 792]. Наука как множество актов коммуникации подчиняется определенным нормам и образцам взаимодействия ученых.

В истории науки идет противоборство науки как власти и науки как коммуникации. Движение «альтернативной науки» существовало на каждом этапе развития науки и постоянно обращалось к тому слою в науке, который не поддавался деформациям со стороны инстанций власти. Сами же формы коммуникации трактовались как диалог, «невидимая коллегия», неформальное, межличностное общение в салонах, малых группах, «коммунах» и т. п.⁷.

⁷ «Вместе с ростом форм институционализации науки, ростом инстанций власти внутри и вне науки развиваются и формы коммуникационного взаимодействия ученых. Наслаиваясь друг на друга, оттесняясь на перифе-

Огурцов описывает исторические формы научной коммуникации как фундаментально-го пласта науки в новоевропейской науке. Особо отмечает, что характер и уровень неформальных коммуникаций различен в странах с разными системами государственной власти. Он максимален в демократических странах, хотя и здесь существуют ограничения, связанные с секретностью и запретами, действующими в ВПК. Совершенно деформированный характер приобретают неформальные коммуникации в странах, где господствовала тоталитарная система власти. Уровень неформальной коммуникации в силу ксенофобии, постоянно нагнетаемого страха вредительства, шпиономании был минимален, ограничивался преимущественно научными сотрудниками и аспирантами, работавшими в одном исследовательском учреждении, международные же контакты советских ученых были разрушены длительное время. Тем самым данный аспект анализа переплетается с теорией тоталитаризма.

Затем Огурцов описывает *формы критики науки* и ее включенности в систему власти со стороны романтиков и ученых. Романтики (Ф. Шлегель, Новалис, Ф. Шлейермахер) обратили внимание на господство в науке духа *пошлости и ростовщичества*. Они подчеркнули коммуникативную природу творчества и познания, сформулировали идею «сотворчества» и понимали общение как подлинный фундамент науки. Однако романтики отвергали ведущие концепции научного знания XVIII–XIX вв., стремились возродить магию или символическую интерпретацию шифров природы. Это привело к тому, что их идеи об универсальности общения стали импульсом в развитии новых форм общения в религиозных общинах, а не в научном сообществе.

Гораздо плодотворнее были импульсы, идущие от ученых. В 1830 г. английский ученый Ч. Бэббидж выпустил книгу «Размышление о закате науки в Англии». В ней он обратил внимание на то, что утрачивается былая широта и универсальность ученого, возникает узкая специализация, затрудняющая взаимопонимание и достижение согласия, растет разобщенность и отчуждение между представителями различных научных дисциплин. Прежнее коммуникативное единство науки оказалось под угрозой, разрыв между наукой и образованием увеличивается.

Для преодоления этих противоречий была создана в 1831 г. Британская ассоциация развития науки. Годичные собрания этой ассоциации собирали большое число слушателей, проводились каждый год в разных городах и были лучшей формой пропаганды науки: «Неформальное, межличностное общение между учеными различных специальностей, с одной стороны, и между учеными и широкой общественностью, с другой, восполняло те формальные, институциональные способы и каналы коммуникации, которые существовали в Лондонском Королевском обществе» [Там же: 808].

Однако развитие науки пошло по другому пути — личное, живое общение между учеными было сдвинуто на периферию, принимало форму «невидимого колледжа», возрастал удельный вес опосредованной коммуникации внутри научного сообщества. XX век усугубил эту ситуацию. Опосредованность научных коммуникаций возросла, массив периодических изданий резко увеличивается небывалыми темпами, сеть коммуникационных связей все более усложняется и запутывается, а включенность науки в систему власти приобретает неви-

рию и выдвигаясь на первый план, формы коммуникации ученых оказываются тем оселком, на котором зиждется все движение альтернативной науки, вся ее идеология, выступающая как контридеология относительно науки как системы власти, как контрдвижение относительно институционально организованной Большой науки. Само собой разумеется, в этой идеологии много утопического, а в самом факте ее альтернативности заключен исток ее неэффективности. Однако из этого нельзя делать вывод о ее беспочвенности. Движение «альтернативной науки» сосредоточивается на том пласте отношений между учеными, который играл, играет и будет играть громадную эвристическую роль в научных исследованиях и развитии науки, а именно на научных коммуникациях, на межличностных отношениях между учеными» [Там же: 793–794].

данный размах, связь научного сообщества с технократией и политической бюрократией приобрели невиданный масштаб.

Эти тенденции в развитии науки стали объектом критики в 1960-70-е гг. *Контрнаучное движение* — симптом кризиса науки, прежде всего ее взаимоотношений с системой власти, подчинения научного сообщества технократическим целям. Э. Вайнберг выделил четыре группы критиков науки: 1. Разоблачители подвергают критике современные формы институционализации науки, ее связь с истеблишментом. 2. Вдумчивые законодатели и администраторы критикуют естественников за отсутствие у них чувства ответственности, политических установок и интересов. 3. Технологические критики подвергают критике науку в силу отрицательных последствий ее технического приложения. 4. Нигилисты и аболиционисты усматривают в научно-техническом прогрессе угрозу человеческому существованию.

Общим для всех групп контрнаучного движения является неприятие идеологии господства над природой, ее покорения и ориентации науки на окупаемость и рентабельность. Контрнаучное движение стремится сформировать новые ценности и идеалы контркультуры. На первое место выдвигался принцип сотрудничества, а не соревнования. Живое общение, основанное на верности, взаимовыручке, дружелюбии, любви, доброта, гармоничное и ненапряженное существование — в противовес идеалу напряженного труда, борьбы за общественный статус, карьеру и пр. Все это было результатом подчинения науки властным инстанциям.

Но контрнаучное движение способствовало обсуждению социально значимых проблем: наука и власть; место науки в системе власти; властные функции науки. Из него выросли новые социальные движения (экологическое), биоэтика, экологическая этика, анархизм в методологии (П. Фейерабенд, Г. Спиннер). Движение «альтернативной науки» поставило во главу угла знание, понятое как коммуникация и личное общение в противовес науке как власти.

В целом обе позиции выдвигают свой утопический вариант переустройства науки, строят специфический «образ науки». Этот образ далек от реальной жизни науки, в которой воедино переплавлены различные уровни коммуникации — от межличностного контакта до властных отношений внутри научного сообщества. Но тоталитарная система власти стремится подавить и уничтожить существующие в науке механизмы самоорганизации и самоуправления, подменяя их бюрократическими методами организации.

Стало быть, проблема бюрократии становится центральной теоретической и практической проблемой существования и развития науки. При ее обсуждении требуется переосмыслить все константы подвластной науки с точки зрения теории бюрократии.

* * *

В заключение хочу согласиться с С.С.Неретиной в том, что А.П. Огурцов «...никогда не переставал быть справщиком метода в смысле поиска нового пути — не методологом: метод непременно включал в себя заставку, которой не может не быть при условии постоянно действующего ученого незнания; методология же являет собой дисциплинарную структуру» [Неретина 2016: 58]. Новый путь предполагает выбор определенных аксиологических посылок, без которых невозможно даже выйти из исходного пункта. Михаил Константинович Петров и Александр Павлович Огурцов создали энциклопедическую панораму анализа междисциплинарных проблем науки в ее связях с обществом. В этой панораме я в заключение подчеркну важность некоторых идей. М.К. Петров поставил проблему бездарности как универсального феномена современности. Д. Ливен обнаружил два главных примера политической бездарности в истории России/СССР XX в. А.П. Огурцов описал универсальные и российские способы связи науки с обществом. Для критического отношения к любым технологиям, включая социальные, Петров предложил идею двигателя с КПД в 100 % и описал при-

чины предпочтительности такой идеи. В развитие такого хода мысли я хочу предложить идею пересмотра всех советских способов связи современной России с историей России до 1917 г., после 1917 г. и после 1991 г., включая способы связи науки со всеми сферами социальной жизни. Проблема отбора теоретического и эмпирического материала для обоснования этой идеи требует особого обсуждения, в том числе развертывания всего дискуссионно-эвристического потенциала наследства моего учителя М.К. Петрова и моего старшего коллеги А.П. Огурцова, с которым мы не успели как следует подружиться...

Арон Р. 2000. *Мир и война между народами.* / Пер. с фр. Н.И. Даниленко — М.: Нота бене. — 880 с.

Бибихин В.В. 2012. *Собственность. Философия своего.* — СПб.: Наука, 2012, 536 с.

Бурдые П. 2016. *О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992).* Пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнारेвой; предисл. А. Бикбова. — И.: Изд.дом «Дело» РАНХиГС. — 720 с.

Глазычев В.Л. 2011. *Город без границ.* — М.: Территория будущего. — 397 с.

История России. XX век: 1894–1939... 2009. — *История России. XX век: 1894–1939.* Под ред. А.Б. Зубова. — М.: Астрель: АСТ. — 847 с.

История России. XX век: 1939–2007... 2009. — *История России. XX век: 1939–2007.* Под ред. А.Б. Зубова. — М.: Астрель: АСТ. — 1023 с.

История сталинизма... 2011. *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г.* — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — 792 с.

Камкия Б.А. 2015. *Политический контекст и проблема бюрократии (концептологический анализ).* — Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ. — 136 с.

Кревельд М. ван. 2008. *Трансформация войны.* Пер с англ. — М.: ИРИСЭН.

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней.* Пер. с англ. А.Козлика, А.Платонова. — М.: Изд. «Европа».

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы).* — Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. — 448 с.

Макаренко В.П. 2011. *Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли.* — Ростов-на-Дону: Ростиздат. — 278 с.

Макаренко В.П. 2013. *Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К. Петрова.* — Ростов-на-Дону: Март. — 536 с.

Макаренко В.П. 2014. «Решенные вопросы»: повесть «Экзамен не состоялся М.К. Петрова». — *Вопросы философии.* — № 1. — С. 104–114.

Милош Ч. 2003. *Поработанный разум.* — СПб.: Алетейя.

Михайлин В. 2005. *Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции.* — М.: НЛО. — 540 с.

Наука и кризисы... 2003. *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки.* / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. — СПб.: Дмитрий Буланин. — 1040 с.

Неретина С.С. 2016. Путь к себе. — *Философ и наука. Александр Павлович Огурцов.* Отв.ред. С.С. Неретина. — М.: Голос. — С. 52–96.

Огурцов А.П. 1967. Отчуждение и человек. — *Человек, творчество, наука.* — М.

Огурцов А.П. 2011а. *Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 частях. Часть первая: Философия науки: исследовательские программы.* — СПб.: Изд. дом «Мир». — 503 с.

- Огурцов А.П. 2011b. *Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 частях. Часть вторая: Философия науки: наука в социокультурной системе.* — СПб.: Изд. дом «Мир». — 495 с.
- Огурцов А.П. 2011с. *Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 частях. Часть третья: Философия науки: философия науки и историография.* — СПб.: Изд. дом «Мир». — 336 с.
- Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти.* — М.: ИНФРА-М. — 418 с.
- Петров М.К. 1995. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность.* Вступ. ст. С.С. Неретиной. — М.: РОССПЭН. — 238 с.
- Петров М.К. 1996. *Историко-философские исследования.* — М.: РОССПЭН. — 512 с.
- Пихоя Р.Г. 2000. *Советский Союз: история власти. 1945–1991.* — Новосибирск: Сибирский хронограф. — 680 с.
- Подвластная наука... 2010. *Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос.акад.наук, Ин-т философии; сост., научн.ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов.* — М.: Изд-во «Голос».
- Пружинин Б.И. 2009. *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии.* — М.: РОССПЭН. — 423 с.
- Путь к Великой Победе... 2015. *Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы.* Под ред. акад. А.В. Торкунова. — М.: ООО «Аквариус».
- Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни.* Пер. с англ. Э.Н. Гусинского и Ю.И. Турчаниновой. — М.: Университетская книга. — 568 с.
- Солженицын А. 2015. *В круге первом: роман.* — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. — 800 с.
- Философ и наука... 2016 — *Философ и наука. Александр Павлович Огурцов.* Отв.ред. С.С. Неретина. — М.: Голос. — 538 с.
- Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году.* Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. — СПб.: Наука. — 544 с.
- Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России.* — М.: НЛО. — 448 с.